

Лидия Яновская
«Великолепное презрение...»
(Булгаков и Ахматова)

Лидия Яновская (1926-2011) - писатель и литературовед, автор первой в СССР монографии о Михаиле Булгакове, его преданный биограф и текстолог, полвека очищавшая его прозу от искажений и его имя - от клеветы. Глубокий исследователь и внимательный текстолог, она восстановила подлинные тексты "Мастера и Маргариты", "Белой гвардии", "Собачьего сердца"¹, открыла для современного читателя забытые и затерянные в периодике 20-х годов "Ханский огонь", "Красную корону", "Был май...", "Звездную сыпь", "Богему", "В ночь на третье число", "Налет", "Неделю просвещения"², была первым интервьюером Т.Н.Лаппа-Булгаковой³, первым биографом Е.С.Булгаковой⁴, первым исследователем булгаковских материалов в киевских, московских, владикавказских, рижских архивах. Каждая книга Яновской являлась вехой на пути к пониманию творчества и личности Михаила Булгакова. Ее "Последняя книга, или Треугольник Воланда", пророчески названная последней, вышла в свет уже после смерти Лидии Яновской, дополненная главами-конспектами из черновики и однако вместившая не все. Одна из пропущенных глав была опубликована в прошлом году в TSQ 54⁵, другая - сейчас перед вами. Это скорее набросок главы, следовавшей по плану за главой о пьесе "Батум"⁶ ("Батум" потому и упомянут в первых строчках), набросок, написанный в 2004-2005 гг. по горячим следам услышанной передачи, не обработанный и не предназначенный в таком виде для печати и оттого, возможно, излишне эмоциональный. Но четкость и глубина авторской мысли вдохновляют на размышления, и потому послесловие литературоведа Игоря Лосиевского стало по сути самостоятельной исследовательской работой.

Андрей Яновский

О смерти.

«Батум» ...Крах и хамство окружающих... И о «гостье страшной».

...И гостью страшную ты сам к себе впустил...⁷

М. О. Чудакова – интервью В. Шендеровичу на радио «Свобода», 19 декабря 2004 г.: «Самый ужас для него⁸ заключался в том, что он, я все это – и говорила со многими людьми, и сама продумывала, ясно было – он был потрясен тем, что узнал потом, что наверху восприняли это как попытку навести мосты⁹. [Вранье:

«наверху» для Булгакова было одно лицо – Сталин; а в попытке «навести мосты» его уличала свора. – Л. Я.] Власть наша всегда была замечательная. Сами требуют, чтобы с ней... А как только он, действительно, «шаг навстречу» сделал – ему показали. И он испытал дикие угрызения совести, как я понимаю [понимает она!..-Л.Я], которые ни с чем были не сравнимы. Не сравнимы ни с какими запретами и прочим. Собственно говоря – он понял. **Об этом написала Ахматова**¹⁰, уже несколько человек об этом говорят, эта гипотеза – их тоже, но я независимо от них пришла к этому выводу. «И гостью страшную ты сам к себе впустил И с ней наедине остался». Он, как бы – напроорочил свою смерть. Потому что – с людоедом нечего было, конечно, играть. Он надеялся переиграть его, но это не вышло».

Вы, вероятно, замечали: граждане обыкновенно мыслят хором. Все бегут в одном направлении... потом вдруг что-то щелкнет – и массовое сознание дружно поворачивается в другую сторону. И – точно в это мгновение, нет, на полмгновенья раньше – поворачивается вектор мировоззрения М. О. Чудаковой. Весь литературно-обывательский мир шагает в ногу с Мариэттой Чудаковой. Не то чтобы бегут за нею – просто она успевает вырваться на полшага вперед...

В прошлом, в начале карьеры (М. Чудаковой), у нее были другие версии тайных гнусностей в биографии Булгакова.

Версии эти снискали ей славу литературоведа правдолюбивого и неподкупного – в отличие от прочих других. Тогда это были многозначительные намеки на некие его преступления в гражданскую войну (дескать, белый плащ его альтер эго, мастера, тоже с «кровавым подбоем»). Но «кровавый подбой» как-то не подтвердился и из «жизнеописания» Булгакова потихоньку выпал...

Вообще-то измазать какую-либо популярную личность, особенно личность светлую, известную своим благородством, – очень перспективная идея; успех обеспечен...

Теперь Чудакова нашла другой сюжет – ужасно постыдный. Ну, нашла и нашла, и шут с ней. Но Ахматова тут при чем? Она-то ни с кем ни в какую ногу не шагала... Ее стихи – это ее – а не толпы – отношение к смерти...

Ее стихи на смерть Булгакова – это высокие стихи, написанные параллельно с Посвящением и Эпилогом к «Реквиему». Все три высоких текста датированы мартом 1940 года... Я поняла эти стихи, когда в черновиках романа «Мастер и Маргарита» нашла строки (диалог): «Я ее презираю...»¹¹

О *презренье* – это же пушкинское! Поэтому Ахматова так услышала это у Булгакова:

Сохраню ль к судьбе *презренье*?¹²

Понесу ль навстречу ей

Непреклонность и терпенье

Гордой юности моей?

(Предчувствие. Снова тучи надо мною... т.3, с.72¹³.)

Ее строка «И гостью страшную...» – отражение и продолжение ее предыдущих стихов – и тоже из цикла «Реквием». Это 8-е стихотворение «Реквиема» – «К смерти», датированное августом 1939 года.

Ты все равно придешь – зачем же не теперь?

Я жду тебя – мне очень трудно.

Я потушила свет и отворила дверь

Тебе, такой простой и чудной...¹⁴

Пришел момент, когда он возжаждал смерти, и она пришла... Это трактовка Анны Ахматовой, и я думаю, что Ахматова права.

Смерть пришла, и он ужаснулся: роман! И задержался...¹⁵

Ее стихи о Булгакове – высокие стихи, стихи о высокой личности, о которой она плачет и которой восхищается:

Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье.

Где здесь *свидетельство* его духовной слабости, где здесь *свидетельство* его заигрываний с властью и предательства своего предназначения?

И нет тебя, и все вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни...
О, кто подумать мог, что полоумной мне,
Мне плакальщице дней не бывших,
Мне, тлеющей на медленном огне,
Всех пережившей, все забывшей,
Придется поминать того, кто, полный сил,
И светлых замыслов, и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь смертельной боли.

Это стихи – не только глубокой нежности, но и понимания, мудрости и той великой точности, какая присуща только очень большим русским поэтам. У Чудаковой другой взгляд на вещи – это ее право; но зачем же приписывать трагическому поэту России свои, в конечном счете вполне обывательские взгляды?

Игорь Лосиевский

Слово Ахматовой: толкование и домыслы

Тема смерти, «рубежные» мотивы занимают особое место в творчестве Анны Ахматовой. 1911 годом датированы ее строки о готовности «Снова стать тобой, земля» («Я пришла сюда, бездельница...»), и тогда же она с удивительной точностью предсказала свою смерть: «Пускай умру с последней белой вьюгой...» («Высоко в небе облачко серело...»)¹⁶. В последующие годы эти сквозные мотивы усиливаются и разветвляются, чему есть и биографическая параллель – обострение туберкулезного процесса в легких: «Как страшно изменилось тело...» (1913), «Давно мне пора в дорогу...» (слова умирающего из стихотворения «Бесшумно ходили по дому...», 1914). Нарастает желание «Испить смертельного вина» («И мнится – голос человека...», 1917)¹⁷. Зазывание смерти, мольбу о ней находим во многих ахматовских текстах последующих лет, чему также есть хорошо известные биографические параллели.

Эти мотивы, конечно, могут быть рассмотрены и в более широком, историческом и онтологическом контексте, такую задачу ставили перед собой многие исследователи жизни и творчества Ахматовой. И добивались убедительных результатов – в том случае, когда в своих поисках им удавалось сохранить центростремительный вектор к слову поэта. Истину нельзя приватизировать, такое намерение может сыграть с автором злую шутку, замкнув его в круге своих ошибочных представлений. Интервью М. О. Чудаковой, привлечение внимания Л. М. Яновской, – очень показательный тому пример. Реалии прошлого, реалии ахматовских и булгаковских текстов здесь отступают на второй план, становятся как бы фоном автопортрета пифийствующей биографессы. И характерно, что предположение, высказанное М. О. Чудаковой, тотчас превращается в ее устах в чуть ли не абсолютное знание об Ахматовой и Булгакове. В книгах и публикациях Л. М. Яновской приведено

немало примеров подобного мифотворчества.

Филиппики Лидии Яновской в адрес Мариэтты Чудаковой хорошо известны, стали неотъемлемой частью современного литературоведческого дискурса. Можно принимать или не принимать избранный ею тон полемики (не забудем, однако, что заметка, предлагаемая ныне вниманию читателей, относится к черновикам, незавершённым работам Л. М. Яновской), но факты – упрямая вещь. Л. М. Яновская в своей небольшой по объёму заметке-реплике возвращает нас к Ахматовой и Булгакову, показывая фактологическую, текстологическую, биографическую и психологическую несостоятельность предложенного М. О. Чудаковой «прочтения» стихотворения Анны Ахматовой «Вот это я тебе, взамен могильных роз...» (1940), посвящённого памяти М. А. Булгакова.

В этом произведении к теме *художник и власть* с известными оговорками (ведь есть еще и тема *художник и чернь*) можно отнести строку «И в душных стенах задыхался» – вероятную аллюзию «пушкинской» речи А. А. Блока: «Его убило отсутствие воздуха»¹⁸. А «великолепное презренье» художника шире какого-либо конкретного исторического контекста, и Л. М. Яновская обоснованно отмечает его соотнесённость с пушкинским «к судьбе презреньем». Исследователи находили здесь и аллюзию дантовской строки, переведённой Осипом Мандельштамом и приведенной им в «Разговоре о Данте»: «Как если бы уничижал ад великим презреньем»¹⁹. Универсальный «смертельный» мотив презрения к судьбе нашёл воплощение в образе «великолепной могилы» у Пушкина («Наполеон») и Гумилёва («Орёл»).

Стихотворение-реквием Анны Ахматовой, написанное ею в первые недели после смерти М. А. Булгакова, не только не даёт повода к обнаружению в нём каких-либо намёков на «шаг навстречу», заигрывание писателя с преступной кремлёвской властью, но и исключает возможность подобных прочтений. В ахматовском «рубежном» тексте нарастает сравнение писателя-современника с «суровым Дантом», его жизненным и творческим подвигом: «Ты так сурово жил

и до конца донёс / Великолепное презренье». Внимание поэта обращено к главному в трагической и прекрасной жизни Булгакова, которую Ахматова называет «скорбной и высокой», восхищаясь мужеством писателя, лично и творчески сохранившегося в страшное время. Строки о том, что на родине «всё вокруг молчит» о нём, тоже заставляют вспомнить о судьбе великого флорентийского изгнанника. В стихотворении Анны Ахматовой «Данте» («Он и после смерти не вернулся...», 1936), с которым генетически связан ее «булгаковский» текст, в двоящемся образе Флоренции-судьбы находим аллюзии-парафразы дантовской строки о «великом презренье» и пушкинской – о презренье к судьбе:

Факел, ночь, последнее объятье,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог её забыть...²⁰.

Сравнение с Данте угадывается в ахматовских стихах памяти М. А. Булгакова именно потому, что это – говоря словами Л. М. Яновской, *высокий текст* о светлом и благородном человеке-творце, которым поэт восхищается, о котором скорбит. Всё остальное уже не имеет существенного значения и ему нет места в *этом стихотворении*, одновременно гимне и эпитафии («взамен могильных роз»). Высокость текста означает духовную идеализацию художника: светом памяти освещена великая составляющая его личности и творчества, где он никогда и никому не подчинялся, оставался свободным, презрев судьбу. Тотчас напрашивается сравнение и с другим пушкинским текстом – «Поэту» – наставлением художнику (и самому себе):

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечёт тебя свободный ум,

Как убедительно показано Л. М. Яновской, «гипотеза» М. О. Чудаковой основана на совсем других и совсем не «высоких» соображениях и у неё нет точек соприкосновения с ахматовским шедевром.

Попутно замечу, что М. О. Чудакова, казалось бы, хорошо осведомлённый биограф Булгакова, здесь заметно отклоняется от реалий писательской биографии. Л. М. Яновская совершенно справедливо замечает по этому поводу, что большевистский режим и свои взаимоотношения с ним Булгаков воспринимал персонифицированно: власть для него это конкретное и единственное лицо – Сталин. Причем Сталин-власть порой вырастал в его воображении до масштабов всевременной гигантской мистической фигуры. Как известно, подобные переживания были и у современников писателя, например, у Бориса Пастернака, которому «вождь», как и Булгакову, неожиданно позвонил, – и не пожелал встречаться с обоими. Как и Пастернак, Булгаков жаждал такой встречи и разговора «о жизни и смерти», надеялся, что Сталин прочтёт его главный роман и поймёт его, автора, лучше, чем кто-либо другой. Это было смертельно опасное заблуждение. Сталин с его сверхвластными аппетитами, хотя и не лишённый эстетического чувства, по-видимому, уважал и даже ценил Булгакова как сильную и независимую творческую личность, но, скорее всего, отнёсся бы враждебно к этому роману, увидев в нём попытку выхода за пределы дозволенного, которая угрожала выстроенной «вождём» системе власти.

Да, Булгаков приписывал ему воландовский масштаб «слова и дела», не случайно в одной из поздних редакций романа Воланд, покидая Москву, как бы передаёт свои полномочия человеку, у которого «мужественное лицо» и который «правильно делает своё дело». Такую характеристику дал ему Воланд, заметивший при этом: «...и вообще всё кончено здесь». Контекст позволяет предположить, что человек этот, неожиданно показанный крупным планом,

находится в самолёте, преследующем inferнальную кавалькаду. Но прямо не сказано, что это – самолёт (тогда ещё говорили «аэроплан»), в тексте он только подразумевается, причём усилено ощущение необыкновенности происходящего: точка «сверкнула» и разрастается «с волшебной быстротою», «всхлипывает и ворчит воздух». И увиденный Воландом человек явно причастен ко всему этому, но прямо лётчиком не назван. Может быть, как раз потому, что он – не простой лётчик? Имя его тоже не названо, но угадывается – особенно после фразы Коровьева о том, что им, по-видимому, хотят намекнуть, что они «излишне задержались здесь»²². В более ранней редакции романа – середины 1930-х, – эта фраза имеет утвердительный характер: «Нам намекают, что мы лишние...», но тут нет ещё такого поворота и «укрупнения» темы: Воланда, его свиту и спутников преследует «звено аэропланов»-бомбардировщиков, в переднем самолёте Маргарите удаётся разглядеть лётчика – «маленькую голову в шлеме». И если в этой редакции воландовские inferналы, резвясь, сотворяют в Москве апокалипсис местного масштаба и даже уничтожают «наступавшие шеренги и бронированные лодки» (что весьма напоминает буйство авторской фантазии периода «Роковых яиц»), а Воланд «снисходительно» обзывает их «свиньями»²³, в упомянутом выше фрагменте поздней редакции романа Воланд серьёзен и запрещает Коровьеву предпринимать какие-либо действия против человека с «мужественным лицом» и его «дела».

Булгаков никогда не «играл» со Сталиным – по гамбургскому счёту не «играл», несмотря на природную предрасположенность к театральному перформансу. С ним он готов был говорить «с последней прямокой» (О. Мандельштам), был открыт для предельно искреннего разговора «о жизни и смерти», и это была открытость не терявшего своей чести Дон Кихота, последнего рыцаря. Писателю казалось, что такой разговор возможен – разговор, который он собирался вести на равных.

Шли годы, Сталин уклонялся от личной встречи, обещанной им Булгакову в

телефонном разговоре с ним 18 апреля 1930 года. Возможно, как и в случае с Пастернаком, «вождь» опасался, что обаять такого самобытного и независимого художника, как Булгаков, ему не удастся. Сегодня, зная о Сталине много больше, чем Булгаков, в значительной мере его «досочинивший», причем как «мистический писатель»²⁴ (известная булгаковская самооценка), мы легко можем предположить, что при такой встрече нет-нет да и обнаружилась бы человеческая несостоятельность, ущербность Сталина, им не о чем было бы говорить. А Булгаков ждал приглашения, писал Сталину письма, это ожидание обернулось для него тяжёлым нервным расстройством, на грани психической болезни, и он до конца жизни готовился к этой встрече, которая стала идеей фикс, измучившей его. Последней попыткой продолжения разговора со Сталиным – хотя бы дистанционного – была булгаковская пьеса «Батум» – о молодых годах «вождя». И даже в сочиненной писателем гротескной «истории дружбы» со Сталиным (сохранилась в записи Е. С. Булгаковой) образ «вождя» и его тоска по «другу» Михо²⁵ зеркально отражают переживания самого писателя, его заветные мысли о встрече и особых отношениях с «вождем».

Если учесть вышеизложенное – а настоящий биограф должен учитывать всё – становится очевидным, что «гипотеза», превращённая М. О. Чудаковой в непреложные максимы («... с людоедом нечего было, конечно, играть. Он надеялся переиграть его, но это не вышло»), не упрощает даже, а грубо искажает биографию писателя. И каков тон – категорический, то ли менторский, то ли оракульский. Маститый булгаковед поучает Булгакова!

... Образ «гостыи страшной», уже присутствующей, находящейся рядом, как мы видели, характерен для ахматовской поэзии. Это и образ ночи, которая «идёт» и «не ведает рассвета»²⁶, – в позднем финале посвящённого Осипу Мандельштаму стихотворения «Воронеж» (1936). Но там прямая связь с «политикой» очевидна, образ наступающей ночи – символ обречённости преследуемого властями (в ахматовском тексте – «опального») поэта.

Один из ключей к пониманию стихотворения Ахматовой Л. М. Яновская находит в близком по времени написания – август 1939 г. – ее стихотворении «К смерти» (позднее было включено автором в «Реквием», VIII). Страшные стихи, героиня сама «отворила дверь»²⁷ смерти (ср. в стихотворении памяти Булгакова – «сам к себе впустил»). Страдания её безмерны, и потому смерть представляется ей «такой простой и чудной», и возникающий – страшный! – перечень возможных вариантов смерти её не ужасает. Потому что смерть не только близка, неизбежна, неотвратима – она желанна, здесь передано душевное состояние, где отчаянье перерастает в чувство готовности к смерти. Добавим, что этот мотив возникает и в «Поэме без Героя», где юноша-самоубийца спокойно произносит страшные слова: «Я к смерти готов»²⁸, повторяя реплику главного героя гумилевской «Гондлы»²⁹. Эти же слова Ахматова услышала в 1930-е гг. от Осипа Мандельштама³⁰.

Принимая прочтение Л. М. Яновской, нельзя не отметить и биографическую параллель: можно предположить, что Ахматова очень точно передаёт булгаковское знание о близящейся смерти. Он знал о ней – потому и «сам к себе впустил». Его готовность, его знание – профессиональной природы. Это знание врача об угрожавшей ему наследственной болезни. М. А. Булгаков всё чаще вспоминал об этой смертельной угрозе – гипертоническом нефросклерозе – в 1930-е гг. Явных симптомов не было до последней осени – 1939 года, но уверенность в том, что это неизбежно и скоро произойдёт, не оставляла его. Помимо «душных стен», его измучивало это точное профессиональное знание, которое, как можно предположить, отразилось и в известной реплике его всезнающего inferнального героя: «...подумаешь, бином Ньютона!»³¹. На 48 году жизни умер от этой болезни отец писателя. Булгакову шёл 49-й, и он говорил незадолго до смерти, что этот год для него – лишний (свидетельство Е. С. Булгаковой).

Еще в начале 1930-х он сказал Елене Сергеевне: «Дай мне слово, что умирать

я буду у тебя на руках»³². Она поклялась. С середины 1930-х Булгаков стал всё чаще напоминать ей об этой клятве. «А когда наступил 39-й год, он стал говорить: «Ну вот, пришёл мой последний год». И это он обычно говорил собравшимся <у Булгаковых. – *И. Л.*>. Мы сидели весело за нашим круглым столом, и у Михаила Афанасьевича появилась манера вдруг, среди самого веселья, говорить: «Да, вам хорошо, вы все будете жить, а я скоро умру». И он начинал говорить о своей предстоящей смерти. <...> он действительно заболел в 39-м году. И когда выяснилось, что он заболел нефросклерозом, то он это принял как нечто неизбежное. Как врач, он знал ход болезни и предупреждал меня о нём. Он ни в чём не ошибся»³³.

Как видим, биографическое измерение тоже помогает приблизиться к пониманию ахматовских строк «И гостью страшную ты сам к себе впустил / И с ней наедине остался».

Но и надежда на спасение не оставляла писателя. Когда в том же 1939-м, ещё до появления симптомов смертельной болезни, Булгаков в кругу друзей вдруг начинал ее изображать – комически изображать свою болезнь и смерть, все хохотали, поражённые тем, как мастерски он это делал («... ты как никто шутил...»). Что означали подобные сценки? Не зазывание смерти (как в ахматовском стихотворении «К смерти», где уже нет никакой надежды), а торжество презревшего ее художника – «... того, кто, полный сил, / И светлых замыслов, и воли...». Здесь то же пушкинское «к судьбе презренье» – «... бездны мрачной на краю»³⁴.

В творчестве спасается художник – даже если он точно знает, что дни его сочтены. Такая защищенность закономерно сочетается у него со спокойной готовностью к смерти, готовностью остаться «с ней наедине», что отразилось и в ахматовской строке «Скрывая дрожь смертельной боли» (в ранней редакции – «предсмертной»), т. е. скрывая от других.

Нетрудно предположить, что поддерживая дружеские и очень доверительные

отношения с Булгаковыми в 1930-е годы, Ахматова знала о многом. Известно, что роман «Мастер и Маргарита» был прочитан ею в эвакуации, в Ташкенте, но о существовании романа Ахматова знала и раньше, однажды (этот факт отражён Е. С. Булгаковой в дневнике), а может быть, и не однажды слушала его фрагменты в авторском чтении. Отдельные строки ахматовского стихотворения памяти Булгакова и её же стихотворения «К смерти» созвучны знаменитому лирическому отступлению в начале 32-й главы булгаковского романа (в том виде, какой оно приняло в его позднейшей редакции), где присутствуют мотивы готовности к смерти и добровольного ее выбора – взамен суровой, трудной жизни, полной невыносимых страданий: «Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдаётся с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна <успокоит его>»³⁵. (В скобках – вставка в незавершённый авторский текст, предложенная Е. С. Булгаковой.) Возможно, эти строки стали известны Ахматовой в последние месяцы жизни писателя (она приезжала в Москву в конце ноября – начале декабря 1939 года) или в скорбные дни прощания с ним. Однако, есть и существенное различие между булгаковским и ахматовским текстами: мотив усталости от непомерных трудностей жизни в стихотворении памяти Булгакова едва слышен, только угадывается в строчках о «гостье страшной» и пустившем её к себе художнике.

Л. М. Яновская оставила нам классические образцы той работы с художественными текстами и биографическими материалами, которую осуществляют текстологи и литературоведы, и ею же с предельной убедительностью показано, что текстологи и литературоведы не имеют право делать. С той же легкостью в мыслях необыкновенной, с какою М. О. Чудакова интерпретировала ахматовские строки, обнаружив в них даже «дикие угрызения

совести» у Булгакова, т.е. приписав произведению Ахматовой то, что полностью противоречит его содержанию, жанру и стилю, другая – новейшая исследовательница пустилась в рассуждения о том, не присутствует ли в ахматовском тексте намёк на сотрудничество жены писателя, остававшейся рядом с ним (и, разумеется, чаще всего – «наедине») до последних мгновений его жизни, со спецслужбами: «Кто эта «страшная гостья? Смерть? Муза? Жена? < ... > Может быть, Ахматова что-то знала о связях Елены Сергеевны с самыми высокими «инстанциями» и с тем самым «известным учреждением»? Или догадывалась?»³⁶. Не правда ли, дивная картинка получается: ещё в начале 1930-х писатель добровольно впустил к себе «страшную гостью», ставшую женой, но со спецзаданием, совмещавшую, так сказать, супружеские обязанности со служебными, оказавшуюся ... женой-смертью. Увы, это – модная тема в современном булгаковедении от Б. С. Мягкова до А. Н. Варламова, здесь не обходится без глупостей и пошлостей, о чём писала Л.М. Яновская в статье «Всем ли мемуарам верить?» («Вопросы литературы», 2008, № 1) и многих других своих работах. «Версия» о том, что Анна Ахматова назвала Е. С. Булгакову, жену и помощницу писателя, его же «смертью», поражает своей экстравагантностью, нелепостью и безнравственностью даже в большей мере, чем приведённая выше – о Булгакове, заигравшемся с усатой смертью-людоедом... Каких-либо оснований для подобных кощунственных умопостроений ахматовское стихотворение не даёт, они остаются на совести интерпретаторов-мифотворцев.

Лаконичный, пусть не исчерпывающий тему, но точный и корректный комментарий к стихотворению Анны Ахматовой находим в одной из книг Виталия Шенталинского: «И хоть Булгаков считал, что он – не герой, – чтобы остаться писателем в этих условиях, надо, увы, быть героем. Анна Ахматова в стихотворении памяти Булгакова назвала это иначе – *великолепное презренье*»³⁷. И в «Записках о Михаиле Булгакове» Лидии Яновской есть очень точная и

лаконичная характеристика высокого ахматовского текста: «Её надгробный плач по Булгакову, полный материнского отчаяния и великой мудрости...»³⁸.

В своих записных книжках Анна Ахматова отмечала годовщины дня рождения и дня смерти Михаила Булгакова. В одной из таких памятных записей день смерти писателя – 10 марта 1940 года – совсем не случайно упомянут в одном ряду с «приговором Данте»³⁹: 10 марта 1302 года великий флорентиец был заочно приговорён к смерти. Поздней осенью 1965 года Ахматова в последний раз перечитывала главы «Мастера и Маргариты»⁴⁰. В 1966 году она намеревалась написать и включить в свою «Книгу портретов» воспоминания о Михаиле Булгакове⁴¹. «Страшная гостья» не позволила ей осуществить этот замысел, который, как можно предполагать, воплотился бы в ещё один высокий ахматовский текст.

Примечания

¹ Булгаков, М. Избранные произведения в двух томах. Сост., текстол. подгот., предисл., коммент. Л. М. Яновской. – Киев: Дніпро, 1989. — ISBN 5-308-00396-3.

² Там же.

³ Яновская, Л. Записки о Михаиле Булгакове. – [3-е изд.]. – М.: Текст, 2007. – С. 253–255, Яновская, Л. Последняя книга, или Треугольник Воланда, с отступлениями, сокращениями и дополнениями. – М.: ПРОЗАиК, 2013. – С. 300–312.

⁴ Дневник Елены Булгаковой / сост., текстолог. подгот. и коммент. В. Лосева, Л. Яновской, вступ. ст. Л. Яновской. – М.: Кн. палата, 1990., Лидия Яновская. Записки о Михаиле Булгакове. - 3-е изд. – М.: Текст, 2007. – С. 239–318.

⁵ Яновская, Л. «Никто так и не прошел по моим следам...». Пропущенные главы из биографии Булгакова. Toronto Slavic Quarterly #54, Fall 2015.

⁶ «Батум» – пьеса о молодом И. В. Сталине, написанная М. А. Булгаковым в 1939 г. Замысел относится к середине 1930-х гг. Постановка и публикация этой пьесы были запрещены по личному распоряжению «вождя», что явилось большим потрясением для её автора; см. об этом: Яновская, Л. Последняя книга. – С. 677–682.

⁷ Цитата из стихотворения Анны Ахматовой «Вот это я тебе, взамен могильных роз...», посвященного памяти М. А. Булгакова. Написано в марте 1940 г., впервые напечатано в альманахе «День поэзии» (Л.: Совет. писатель, 1966. – С. 50). В большинстве прижизненных планов ахматовских книг входило в цикл «Венок мёртвых», а посвящение «Памяти М. Булгакова» становилось его названием. Долгое время это стихотворение не было записано, автор и Е. С. Булгакова хранили его в своей памяти. Текст и варианты см.: Ахматова, А. Собр. соч. : в 6 т. – Т. 1. – М.: Эллис Лак, 1998. – С. 470, 931–933; текст и упоминания об этом стихотворении см. в кн.: Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост., подгот. текста К. Н. Суворовой, вступ. ст. Э. Г. Герштейн. – М.; Torino : Giulio Einaudi, 1996. – 849 с. (по указ.).

⁸ М. А. Булгакова.

---

⁹ Ср. с записью в дневнике Е. С. Булгаковой 17 августа 1939 г., которая содержит информацию, поступившую от режиссёра В. Г. Сахновского: «...наверху посмотрели на представление этой пьесы Булгаковым как на желание перебросить мост и наладить отношение к себе» (Дневник Елены Булгаковой. – С. 279). По-видимому, на вопрос, кто конкретно так думает «наверху», В. Г. Сахновский ответил неопределённо, чем можно объяснить появление в этой записи карандашной вставки: «в ЦК наверно» (там же. – С. 278).

¹⁰ Выделено Л. М. Яновской.

¹¹ Речь идёт о диалоге Воланда и мастера, последний говорит: «Я ничего не ищу больше от этой жизни, и ничто меня в ней не интересует. Я её презираю» (Булгаков, М. Собр. соч. : в 8 т. – Т. 7. Мастер и Маргарита. Черновые ред. – М. : Центрполиграф, 2004. – С. 647). Ср. также с репликой Дон Кихота в одноименной пьесе М. А. Булгакова 1938 г.: «Я иду по крутой дороге рыцарства и презираю земные блага, но не честь!» (Булгаков, М. Пьесы / сост. Л. Е. Белозерская, И. Ю. Ковалева. – М. : Совет. писатель, 1987. – С. 469).

¹² Курсив Л. М. Яновской.

¹³ Стихотворение «Предчувствие» («Снова тучи надо мною...») цитируется Л. М. Яновской по: Пушкин, А. Полн. собр. соч. : в 10 т. – Т. 3. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – С. 72.

¹⁴ Ахматова, А. Собр. соч. : в 6 т. – Т. 1. – С. 447, 913.

¹⁵ Сохранилась запись-заклинание М. А. Булгакова, сделанная им 30 октября 1934 г. на полях черновой рукописи романа «Мастер и Маргарита»: «Дописать раньше, чем умереть!» (Булгаков, М. Собр. соч. : в 8 т. – Т. 7. – С. 265). Е. С. Булгакова вспоминает: «Он повторял <в 1938 г. – И. Л.>, что в 1939 году он умрет и ему необходимо закончить Мастера, это была его любимая вещь, дело его жизни» (Дневник Елены Булгаковой. – С. 315).

¹⁶ Ахматова, А. Собр. соч. : в 6 т. – Т. 1. – С. 56, 68.

¹⁷ Там же. – С. 164, 203, 315.

¹⁸ Блок, А. Собр. соч. – Т. 7, кн. 1. – Берлин : Алконост, 1922. – С. 342.

¹⁹ Мандельштам, О. Соч.: в 2 т. – Т. 2. Проза. – М. : Худож. лит., 1990. – С. 222.

²⁰ Ахматова, А. Собр. соч. : в 6 т. – Т. 1. – С. 431.

²¹ Пушкин, А. Полн. собр. соч. : в 10 т. – Т. 3. – С. 174.

²² Булгаков, М. Избр. произведения : в 2 т. – Т. 2 / сост. и коммент. Л. Яновской, текстолог. подгот. Л. Яновской, В. Лосева. – Киев: Дніпро, 1989. – С. 748. Версия о том, что образ человека с «мужественным лицом» восходит к Сталину, возникла уже давно. Л. М. Яновская считает её надуманной и необоснованной (Яновская, Л. Записки о Михаиле Булгакове. – М. : Текст, 2007. – С. 371–376). По моим наблюдениям, всё-таки есть основания предполагать, что у этого образа существует «державный» прототип, иначе трудно объяснить его внезапное укрупнение и почему он один, и почему Воланд так присматривается к нему. Похоже, сталинский «след» здесь всё-таки присутствует, и это было продолжением «разговора» Булгакова с «вождём», хотя не стоит, конечно, понимать буквально известные слова писателя о Сталине, уклоняющемся от такого «разговора»: «А я теперь его в каждую пьесу буду вставлять» (Чудакова, М. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М. : Книга, 1988. – С. 643). По мнению Л. М. Яновской, этот фрагмент был удалён самим автором, а не позднейшими редакторами романа. Но и факт удаления М. А. Булгаковым строк о человеке с «мужественным лицом» можно рассматривать как косвенное подтверждение того, что сталинский «след» существовал и позднее был удалён автором как слишком явный.

²³ Булгаков, М. Собр. соч. : в 8 т. – С. 256–257.

²⁴ Булгаков, М. Дневник. Письма. 1914–1940. – М. : Современ. писатель, 1997. – С. 226. См. об этом: Сарнов, Б. Сталин и писатели. – Кн. 2. – М. : ЭКСМО, 2008. – С. 476–554.

²⁵ Дневник Елены Булгаковой. – С. 309.

²⁶ Ахматова, А. Собр. соч. : в 6 т. – Т. 1. – С. 429.

---

²⁷ Там же. – С. 447.

²⁸ Ахматова, А. Собр. соч. : в 6 т. – Т. 3. – М. : Эллис Лак, 1998. – С. 176.

²⁹ Гумилёв, Н. Драматические произведения; переводы; статьи / сост. Д. И. Золотницкий, примеч. Д. И. Золотницкого, М. Д. Эльзона. – Л. : Искусство, 1990. – С. 113.

³⁰ Ахматова, А. Собр. соч. : в 6 т. – Т. 5. – М. : Эллис Лак 2000, 2001. – С. 40.

³¹ Булгаков, М. Избр. произведения. – Т. 2. – С. 536.

³² Воспоминания о Михаиле Булгакове / сост. Е. С. Булгакова, С. А. Ляндрес. – М. : Совет. писатель, 1988. – С. 388.

³³ Там же. – С. 388–389.

³⁴ Пушкин, А. Полн. собр. соч. : в 10 т. – Т. 5. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1964. – С. 419.

³⁵ Булгаков, М. Избр. произведения. – Т. 2. – С. 704, 748. Это сходство уже отмечалось булгаковедами. Ю. М. Кривоносов пишет: «Есть загадка, над которой бьются исследователи: все хотят понять, почему Ахматова <...> говорит: «... И гостью страшную ты сам к себе впустил И с ней наедине остался». Скорее всего, дело тут в том, что Ахматовой был известен первый абзац последней главы «Мастера и Маргариты», где прямо сказано: «Он отдаётся с лёгким сердцем в руки смерти...». Если кто-то найдёт другое – неоспоримое – объяснение – честь ему и слава...» (Кривоносов, Ю. Михаил Булгаков : фотолетопись жизни и творчества. – М. : ЭКСМО, 2011. – С. 219). Конечно, и это объяснение не может считаться единственным и неоспоримым.

³⁶ Поволоцкая, Ольга. Щит Персея. Личная тайна как предмет литературы [Электрон. ресурс]. <http://knizh.ru/book47994.html> – Загл. с экрана.

³⁷ Шенталинский, В. Рабы свободы : в лит. архивах КГБ. Бабель, Булгаков, Флоренский, Пильняк, Мандельштам, Клюев, Платонов, Горький. – М. : Парус, 1995. – С. 126.

³⁸ Яновская, Л. Записки о Михаиле Булгакове. – С. 140.

³⁹ Записные книжки Анны Ахматовой. – С. 445.

⁴⁰ Там же. – С. 684.

⁴¹ Там же. – С. 683, 708.

Публикация, подготовка текста А.Яновского, послесловие и примечания И.Лосиевского.